

Малороссия значительно разнится от центральных частей империи, т. е. от губерний, лежащих вокруг Москвы и известных под именем Великороссии. Малороссия лежит южнее, а все южное всегда имеет особую привлекательность для северян. Селения Малороссии не расположены улицами, как в Великороссии, а их выбеленные хаты разбросаны, как в Западной Европе, и окружены живописными садами. Более мягкий климат, теплые ночи, музыкальный язык, красота населения, которое, вероятно, представляет помесь южнославянской с турецкой и польской кровью, живописная одежда и лирические песни, — все это делает Малороссию чрезвычайно привлекательной в глазах великороссов. Кроме того, жизнь в малорусских селениях носит характер более поэтический, чем в великорусских деревнях. В Малороссии существует большая свобода в отношениях между молодыми людьми обоих полов: девушки и юноши могут свободно встречаться до замужества; затворничество женщин, явившееся результатом византийских влияний на Москву, не существовало в Малороссии, в которой преобладало влияние Польши. Малороссы сохранили при этом многочисленные предания, эпические поэмы и песни, относящиеся к тому времени, когда они были вольными казаками, сражаясь с поляками на севере и турками на юге. Им приходилось защищать православие от этих двух врагов, и до сих пор они глубоко привязаны к православной церкви; но в малорусских деревнях нет той страсти к богословским спорам по поводу буквы Писания, а не духа, которая так характерна для великорусских раскольников. Религия малороссов также имеет более поэтический характер.

Малорусский язык, по сравнению с великорусским, более мелодичен, и в настоящее время наблюдается серьезное движение, имеющее целью литературное развитие этого языка; но все же он находится в эволюционной стадии даже теперь, а потому Гоголь поступил очень разумно, начавши писать на великорусском, т. е. примкнув к языку Жуковского, Пушкина и Лермонтова. Таким образом, мы имеем в Гоголе род звена, соединяющего обе национальности.

Дать понять о юморе и остроумии рассказов Гоголя из малорусской жизни, не приводя из них целых страниц, было бы совершенно невозможно. Это — добросердечный смех человека молодого, наслаждающегося полнотой жизни, который сам не может удержаться от смеха, глядя на комические положения, в которые он ставит своих героев: деревенского дьячка, богатого крестьянина, деревенскую кокетку или кузнеца. Он переполнен счастьем; ни одно облачко еще не омрачает его жизнерадостности. Но нужно заметить, что комизм рисуемых им типов не является результатом его поэтического каприза: напротив, Гоголь — скрупулезный реалист. Каждый крестьянин, каждый дьячок его повестей — взят из живой действительности, и в этом отношении реализм Гоголя носит почти этнографический характер, — что не мешает ему в то же время иметь яркую поэтическую окраску. Все суеверия деревенской жизни в ночь под Рождество или в Иванову ночь, когда шаловливые духи имеют свободу вплоть до крика петухов, — проходят пред читателем, и все это переполнено тем заразительным остроумием, которое присуще малороссу. Лишь позднее склонность Гоголя к комизму кристаллизовалась в , что можно по справедливости назвать «юмором», т. е. контрастом между комической обстановкой и печальной сущностью жизни, о котором сам Гоголь сказал, что ему дано «сквозь видимый смех источать невидимые, незримые миру, слезы».

Не все малорусские рассказы Гоголя имеют, впрочем, содержанием эпизоды из крестьянской жизни. Некоторые посвящены описанию высших классов населения маленьких городков, и один из этих рассказов, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», является одним из наиболее юмористических рассказов во всемирной литературе. Иван Иванович и Иван Никифорович были соседями и жили в прекрасных отношениях; но неизбежность их ссоры чувствуется уже с первых строк повести. Иван Иванович был человек тонкого поведения; он никогда не предлагал табакерки незнакомому, не сказав: «Смею ли просить, государь мой, не имею чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?» Он отличался большой аккуратностью. Если он съедал дыню, то собирал ее семена в бумажку и надписывал на ней: «сия дыня съедена такого-то числа». Если же при этом был какой-нибудь гость, то он прибавлял: «участвовал такой-то». Но в сущности Иван Иванович был скупец, очень ценивший комфорт, но не любивший делиться им с другими. Его сосед, Иван Никифорович являлся его противоположностью. Он был очень толст и любил крепкие выражения. В горячий летний день он любил снимать с себя все одежды и сидеть в таком виде в саду, грея спину. Угощая кого-нибудь табаком, он просто протягивал табакерку со словами: «Одолжайтесь». Он не отличался утонченностью манер соседа и любил громко высказывать свои мнения. Соседи, столь различные по натуре и отделенные друг от друга лишь низеньким забором, неизбежно должны были в один прекрасный день поссориться.